

УДК 316.334.3 (44) + 316.75 (44)

ФРАНЦУЗСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Б. М. ЛЕПЕШКО¹⁾

¹⁾Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
бул. Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь

Рассматриваются идеологические особенности событий мая 1968 г. во Франции. Критически осмысливаются дефиниции, приводятся аналогии с иными важными процессами XX – начала XXI в. Рассматривается идеологическая платформа студенческого движения, указываются особенности ее национального контекста. Исследуется роль, которую в середине 1968 г. сыграли властные структуры и президент страны. Характеризуется возможность определения сущности и характера рассматриваемых процессов с точки зрения интегративной методологии.

Ключевые слова: идеология; революция; постмодернизм; власть; интегративная методология.

THE FRENCH IDEOLOGY

B. M. LEPESHKO^a

^aAlexander Pushkin Brest State University,
21 Casmanaŭtaŭ Boulevard, Brest 224016, Belarus

The article deals with the ideological peculiarities of the events of may 1968 in France. Definitions are critically comprehended, broad analogies with other important processes of the XX – beginning of the XXI century. The ideological platform of the student movement is considered, peculiarities of its national context are pointed out. The role of power structures and the President of the country in the middle of 1968 is investigated. The possibility of determining the nature and character of the processes under consideration from the point of view of integrative methodology is characterized.

Key words: ideology; revolution; postmodernism; power; integrative methodology.

Что это было?

События, произошедшие в мае 1968 г. во Франции и иных странах, за 50 лет так и не удостоились окончательной квалификации. Можно перечислить основные дефиниции, переходящие из одного текста в другой: «красный май» и его лидер, «красный Дени» (Даниель Кон-Бендит), революция, массовые студенческие волнения, символ постмодернистской эпохи, университетский кризис, мятеж, студенческий бунт и т. д. Отсутствуют также ясные ответы на важные вопросы о том, почему интерес к событиям полувековой давности не падает и что

в них такого судьбоносного. Причем, что интересно, такова судьба многих значительных событий в истории. Напрашивается параллель с Великой Октябрьской революцией 1917 г. Аналогия заключается в том, что и в одном, и в другом случае подвергается сомнению сам статус этого события как революции и выдвигаются самые разные смысловые альтернативы (реформа, бунт, переворот и т. д.). В обоих случаях ключевым явилось слово «свобода», однако содержание этого термина существенно разнится. Повсеместно оперируют слова-

Образец цитирования:

Лепешко Б. М. Французская идеология // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 113–121.

For citation:

Lepeshko B. M. The French ideology. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 113–121 (in Russ.).

Автор:

Борис Михайлович Лепешко – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры философии юридического факультета.

Author:

Boris M. Lepeshko, doctor of science (history), full professor; professor at the department of philosophy, faculty of law.
borys_lepieszko@tut.by

ми о том, что настала «новая эра», «новая эпоха». В связи с этим сложно говорить и о массовости, разрыве представлений о должном со взглядами предыдущего (как минимум) поколения, кризисе традиционной морали, создании нового типа общества. Теоретики испытывают затруднения не столько потому, что сложно применить определенную методологическую схему (марксистскую, постмодернистскую), сколько в связи мощным давлением политического фактора. С событиями 1917 и 1968 гг. связаны реальные политические процессы современности, определение того или иного феномена может поспособствовать или, наоборот, затормозить рост влияния конкретной политической силы (партии). По сути, перед нами очередной виток осмысления старого тезиса о том, что «история все же учит». Когда мы говорим о важности контекста того или иного события, то достаточно часто слово «контекст» выглядит многомерным, поскольку контекст – это и реальная обстановка исторической ситуации, и современная столь же конкретная реальность, в рамках которой мы действуем, переосмысливаем прошлое, решаем прагматические задачи.

Каким был контекст 1968 г.? Генерал де Голль, президент Франции, в новогоднем поздравлении французскому народу в конце декабря 1967 г. говорил так: «Я с удовольствием приветствую 1968 год, поскольку благодаря заинтересованности персонала в прибылях наступающий год открывает важный этап в движении к новому социальному порядку» [1, с. 464]. Новый социальный порядок был связан прежде всего с попыткой наладить сотрудничество классов, с превращением Франции в монархическую республику, которой управляет сильный лидер, вождь, главнокомандующий, словом, коннетабль. На первый план выдвигалось и решение важных внешнеполитических задач (реальный суверенитет, независимость Алжира, дистанцированность от НАТО, в целом, говоря нынешним языком, многовекторная политика). Генералу было чем гордиться: между двумя мировыми войнами производство во Франции увеличилось только на 5 %, а за 17 лет, с 1948 по 1965 г., – на 220 %. Внешняя политика имела небывалый размах и смелость, Франция завоевала несомненный авторитет на мировой арене. Президент пытался решить и социальные проблемы, которые нарастали в обществе, но, как показали дальнейшие события, его успехи в этой области были не столь впечатляющими. Рабочая неделя выросла с 40 до 45 часов, на заводах обычным делом стали не просто забастовки, но и переход цехов из хозяйских в рабочие руки, на усмирение непокорных трудящихся бросались воинские части. Первомайская демонстрация 1968 г. собрала более 100 тыс. участников. Однако никто

после Второй мировой войны не ждал катастрофы, небывалого потрясения.

Студенческое движение властями не воспринималось серьезно. Как утверждал сам де Голль, иронизируя над характером протестов, студентов волнует разве что состояние дел в столовых, не более того. Он ошибался, как ошибались не раз до него властители и во Франции, и в России. В день взятия Бастилии один из Людовиков меланхолически замечает в дневнике: «Ничего». Точно также жена Николая Второго, Александра Фёдоровна, в своих дневниках революционной поры пишет о вещах, далеко отстающих от реальных проблем эпохи. Между тем в филиале Сорбонны, расположенном в предместье Нантер, где учились будущие филологи и юристы, 2 мая 1968 г. были прекращены занятия и закрыты учебные заведения. Существует мнение о том, что символом начала беспорядков явился диалог между Д. Кон-Бендитом и министром по делам молодежи. Во время посещения аудиторий к министру подошел рыжий парень и попросил закурить. Затянувшись, Д. Кон-Бендит сказал: «Господин министр, я прочел вашу “белую книгу”, посвященную проблемам молодежи. На трехстах страницах нет ни слова о половом вопросе». Министр ответил, что он приехал обсуждать спортивные программы. Д. Кон-Бендит повторил вопрос – собеседник сорвался: «Неудивительно, что студента с такой физиономией, как ваша волнует эта проблема. На вашем месте я бы утопился». В ответ будущий революционер отметил: «Вот достойный ответ гитлеровского министра по делам молодежи» [2]. За этим диалогом со стороны студентов последовали многочисленные граффити, связанные с наступлением эры мировой сексуальной революции. Самая толерантная из появившихся многочисленных дацзыбао: «девственность – причина рака».

Здесь имеет смысл сказать несколько слов по поводу причин, которые способствовали появлению хаоса в процессе выяснения отношений между студентами и государственными властями. Решение вопроса о том, пускать ли студентов в женское общежитие – безусловно, деталь, но показательная. Дело в том, что достаточно часто новые тенденции социального характера проявляются в совершенно вторичных, случайных с точки зрения властей формах. Увидеть связь между сексуальной революцией и последующим кризисом, который закончился отставкой правительства и президента страны, сложно, особенно в первых числах мая 1968 г. Но суть вопроса заключается в том, что афористичные лозунги рождаются не просто так, за ними стоит стремление нечто кардинально изменить, в каком-то смысле мистическое познание бушующих сил, которые не осознаны даже теми, кто выдвигает

эти лозунги. Если говорить более конкретно, то одним из важных вопросов стала проблема традиционализма, рассматриваемая достаточно широко. Выступать против традиционализма – значит выступать против лживости и ханжества господствующей морали, тех случаев, когда говорится одно, а делается нечто противоположное, против застенчатого схематизма классического образования. На некоторых факультетах страны диплом получал лишь один из десяти поступивших. Учиться было тяжело (иногда до 10 часов в день), а многие работали, зарабатывая на жизнь. Ничего удивительного, что место официальной идеологии занял так называемый гошизм – смесь различных взглядов, от троцкизма и анархизма до популярного в те дни маоизма. Однако гошизм более подробно рассмотрим ниже. Главное в ином: 1968 год во Франции знаменовал переход от одной эпохи к другой, и традиционализм выглядел атавизмом для студентов, желающих нового общества, новой системы отношений, новых лидеров и новой системы ценностей. Правда, студенты, как через 40 лет заметил Б. Кон-Бендит, не достигли никаких политических целей, да и открытым остался вопрос о том, что это были за цели. Однако это говорил

член Европарламента, а не рыжий юнец, приставший к министру с просьбой закурить. Ведь вопрос заключается в ответственности. Можно тысячу раз сказать: «Долой», – но после того, как этот лозунг станет реальностью, появится необходимость строить дороги, обеспечивать безопасность граждан, осуществлять внутреннюю и внешнюю политику, словом, подставлять плечи для решения не одних только сексуальных задач. Поэтому столь высока степень удовлетворенности тем, что политические задачи со стороны повзрослевших анархистов, маоистов и троцкистов не были решены.

Предварительно можем констатировать, что события мая 1968 г. не были революцией в ее классическом значении. После громких отставок правительства и президента ничего не изменилось в классовой структуре общества, в отношениях собственности, в социальных отношениях. Но называть эти события просто мятежом или бунтом не верно. Произошли существенные изменения в сфере духа, осознания себя и своего места в мире. Общество (французское в частности) после баррикад в Париже стало иным. Каким именно? Чтобы ответить на этот вопрос, поговорим об идейных предпосылках событий «красного мая».

Гошизм

Известный специалист по французской истории профессор Н. Молчанов определял гошизм как кашу, «в которой смешались элементы бланкизма, троцкизма, монархизма, утопизма, маоизма и многих других “измов”. Идейный туман в головах студентов отражал переходную социальную природу французского студенчества» [3, с. 467]. Эклектика и неясная социальная природа – два минуса гошизма с точки зрения официальной советской историографии. Примерно в этих же категориях определяют гошизм и современные интернет-ресурсы. Однако в этом плане сразу чувствуется противоречие: с одной стороны, «каша», с другой – Ж.-П. Сартр, А. Камю, Г. Маркузе и целый ряд иных виднейших теоретиков, литераторов, философов, они, конечно, не объявляли себя только гошистами, но их идеи были востребованы этим радикальным течением. Прежде чем мы конспективно обратимся к этим великим именам, направим внимание на феномен лозунгов «красного мая», многочисленным граффити, анализ которых позволит нам прийти к важным выводам относительно характера и сути событий 1968 г.

Первый идеологический мотив – это ясно звучащий вызов общественному мнению, стремление «перелицевать» социальную материю, найти альтернативы самым, казалось бы, обыденно звучащим понятиям, вещам, явлениям, процессам. При этом сразу же звучит мотив парадоксальности, вос-

ходящий к мотиву абсурда, столь плодотворно разрабатываемому А. Камю. На баррикадах звучало: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!», и большинству было понятно, что речь идет о новом, ином прочтении сложившихся формально-логических инвектив, связанных с единственно возможной трактовкой реальности. На стенах писали: «Под булыжниками мостовой – пляж» и было понятно, что надо разобрать булыжники, чтобы найти этот пляж. На транспарантах было написано: «Запрещать запрещено», и первое, основное значение этого призыва, связанное с протестом против запрета заходить в женское общежитие, было быстро забыто. Никто не усматривал в указанном лозунге тавтологии, поскольку речь шла о важности приоритета свободы перед системой социальных запретов. Главное не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы открыть широкое поле деятельности свободного человека в свободном мире. Табуирование социума отодвигалось на второй план, на первый выходило понимание совсем иного. Можно привести такую констатацию: «Представь себе, война, а на нее никто не пошел». Понятно, что здесь де-завуировался казенный патриотизм, стандартные толкования идеологических понятий, основанных прежде всего на монархических принципах.

Второй – это пиетет перед словом «новое». Квинтэссенция этого заключается в словах «Счастье – это новая идея». Причем это новое вовсе не

связано исключительно с разрывом с традиционными ценностями, хотя, как уже говорилось, это имело место. Речь идет о выходе к ценностям иного, не рационалистического, характера, поскольку «Культура – это жизнь наоборот», привычные формы культурной жизни исчерпали себя и появилась необходимость в том, что очень скоро стало обычным проявлением эстетических поисков и оказалось связанным с понятиями «инсталляция», «перформанс» и т. д. Можно, конечно, дискутировать относительно того, кто первым заявил о важности и необходимости существования новых форм в искусстве, но французские студенты в 1965 г. бесспорно пробили брешь в понимании культурного мира как одномерного, и традиционное общественное сознание долгое время, протестуя против формотворчества, было вынуждено согласиться с самой возможностью существования альтернативного искусства. Парижские студенты восклицали: «Вся поэзия на улицах!», и было понятно, что речь идет не только о поэзии булыжника («Я тебя люблю, скажи мне это с булыжником в руках»), но и о поэзии свободы самовыражения, протеста, для которого нет границ. В каком-то смысле перед нами поиски смыслов, о которых говорили М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез и иные мыслители постмодернистского толка. На первый план выходил протест, иногда вне содержательного поля. На баррикадах никто особенно не задумывался о специфике сартровского понимания свободы, но большинству было понятно: классическое миропонимание исчерпано, его надо менять и иногда с булыжником в руке.

Есть и третий важный идеологический мотив, связанный со стремлением действовать решительно, последовательно, словом, революционно: «Твое счастье купили – укради его!», «Будем жестокими!», «Мы не будем ничего требовать и просить, мы возьмем и захватим». Конечно, эти слова могли расходиться с делом, хотя степень ожесточенности схваток студентов с полицией была очень высокой. Причем пафос решительности был направлен и против капитализма, и против коммунизма, идеалом был объявлен поиск нового, третьего, пути. Во время визита в Москву в 2005 г. Б. Кон-Бедит говорил «Мы хотели разработать новый стиль жизни, который не означал бы жизненной морали наших родителей, из этих чувств возникли женское движение, движение гомосексуалистов, то есть движения, которые означали автономию субъекта по отношению к господствующей морали. И легитимно или нелегитимно я стал символом мысли о свободе» [4, с. 2]. В данном случае вопрос о персональных символах представляется несколько надуманным и преувеличенным, но «Красный Дени», очевидно, прав в главном: студенческое движение середины 1970-х гг. ознаменовало появление легальных и

быстро распространившихся движений нетрадиционного характера.

Можно ли говорить о влиянии на студентов духовных лидеров эпохи? Безусловно. Это связано как с тем, что многие новые идеи витали в воздухе и леворадикальные теоретики их «приземлили», придав острую и парадоксальную форму, так и с тем, что студенческий мятеж начали и возглавили гуманитарии. Герберт Маркузе утверждал, что «мы все поголовно можем заниматься сексом, а машины пусть работают». Мыслитель считал студенчество маргинальной прослойкой общества, но именно от нее Маркузе ждал решительных действий. От его взглядов, основанных на эклектическом сочетании марксизма и фрейдизма, рукой подать до идеи сексуальной революции. Именно он вместе с блестящими представителями философии экзистенциализма резко критиковал капитализм, культ потребления, авторитарность власти. Правда, Г. Маркузе не считал молодежные движения самостоятельной силой, способной решить важнейшие проблемы переустройства общества, однако и сами студенты так не считали. Вообще вопрос о создании массовой политической партии (движения) фактически не ставился, увлекал сам процесс протестного характера и известные слова В. И. Ленина: «Дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию». Протест против общества потребления, которое развратило всех, был ясен и взят на вооружение. Вновь возникает мысль о важности не одномерного человека (Г. Маркузе), ориентированного на потребление, а многомерного, свободного от гипноза средств массовой информации, способного уйти от стандартов поведения общества XX в. и приблизиться к чему-то очень светлому, личному, в основе чего лежит выбор конкретного человека.

Студентов поддержал и Ж.-П. Сартр. Однако надо учитывать, что взгляды самого философа находились в постоянном развитии, и это в полной мере касалось и понимания им специфики молодежного движения. Важно и то, что бунт воспринимался Сартром несколько в иных категориях, чем это представлялось студентам. Мыслитель рассказывал об одном характерном эпизоде тех дней. Преподаватель университета спрашивает студентов, о чем бы они хотели поговорить на семинаре. Ответ: о современном театре. Профессор приходит на следующее занятие подготовившись и предлагает поговорить о Брехте. В ответ – взрыв возмущения, поскольку «Брехт – это старый горшок». Профессор соглашается и предлагает поговорить о популярном в те дни молодежном театре постмодернистской направленности. Студенты, соглашались с оговоркой на то, что этот театр не обсуждают, его делают, и начинают раздеваться догола.

Профессор уходит со словами: «Я вам больше не нужен» [5, с. 67]. Суть этого показателя заключается в столкновении двух культур, двух представлений о ценностях, в данном случае – эстетических. Но констатации мало, речь идет также и о разном понимании влиятельных художественных течений той поры. Для Сартра дадаизм, сюрреализм и прочее – это порождение мелкобуржуазного бунта против общества потребления, а для бунтующих студентов – это еще и бунт против культуры в целом. Разница заключалась в том, что поколение Сартра пережило две мировые войны, а поколение студентов – это прежде всего люди послевоенной эпохи. Писатель пережил «большую» кровь, убийства, гибель ни в чем не повинных людей, а новое поколение было готово на поступки, чреватые новой кровью.

Сартр все же говорил об ответственности лидеров гошистов перед историей, страной и обществом. Но в 1968 г. эти призывы выглядели устаревшими. Много позже событий мая 1968 г. Ж.-П. Сартр попытался дать оценку событиям «красного мая», он говорил об этом в категориях ответственности, а не революционного романтизма. Свобода, бунт, отказ от абсолютизации старых социальных форм подразумевают и ответственность. Позволим себе предположить, что именно такая постановка вопроса стала одной из предпосылок торможения революционного движения, ренегатства ряда студенческих лидеров, впрочем, это отдельная тема.

Стоит вспомнить, как отреагировал на события мая 1968 г. еще один крупный теоретик Раймон Арон. По его мнению, события в Париже – тема для биологов, но не для социологов. Арон полагал, что все эти призывы к сексуальной революции связаны с непрочностью социальных структур и надо укреплять индустриальное общество, а не расшатывать

его. Все проблемы индустриального общества могут быть эффективно разрешены и для этого вовсе не обязательно выходить на улицы и ломать мостовые. Для Арона события мая 1968 г. – «психодрама», приступ сумасшествия. Против этой точки зрения резко выступил Ж.-П. Сартр, который основной упор в полемике сделал на важности университетских реформ. Университет – это свободный поиск истины, университет связан со свободой выбора студентов, как конкретного профессора, так и системы знаний. Важнейшую роль играет и понимание того, какова цель университетского образования: участие в прибылях, карьера или попытка попасть в элиту. Ж.-П. Сартр полагал, что университет должен служить народу, стране, а не бюрократии или финансовой элите [5, с. 66].

Общий вывод из сказанного может иметь следующий вид. Студенческое движение восприняло основные идеи эпохи, и в этом не было ничего необычного. Вопрос в ином: почему именно студенчество стало той силой, которая обозначила новое качество борьбы против государственных структур и продвижение новых идей? Приведем некоторые варианты ответа: акцент на биологические предпосылки, маргинализация социума, уход рабочего класса на позиции реформизма (Г. Маркузе). Возможно, имеет смысл обратить внимание на тот факт, что в конце 1960-х гг. произошло фактическое слияние многих тенденций в социальном движении, причем не только политического характера. Мощным фактором стали философские идеи экзистенциалистов, восторженно было принято новое искусство, связанное с развитием целого ряда модернистских и постмодернистских течений, очевидную слабость продемонстрировали государство, власть и, в частности, президент страны генерал де Голль.

Генерал

Шарль де Голль в 1965 г. был переизбран на пост президента, впереди у него было 7 лет очередного правления, он излучал оптимизм и был готов к реформам. Ему было 75 лет, но он находился в хорошей физической форме и был уверен, что отбудет на посту президента весь положенный конституцией срок. Встретил 1968 г. он традиционно – в борьбе. Де Голль всегда боролся. Перед войной он сражался с косностью французского генерального штаба, не желавшего понять преимущество танков как нового и перспективного рода войск, генерала тогда называли французским Гудерианом, он написал книгу, в которой рассуждал о характере войны будущего. Затем де Голль создал «Свободную Францию», антифашистский комитет и эффективную организацию. Кроме фашизма он боролся с У. Черчиллем: в Англии француз и его сторонники нашли себе

убежище. Де Голль боролся за национальное достоинство, а в итоге – за Францию. Позже была борьба за экономический рост, за независимость Алжира, за прекращение деятельности террористов, не раз пытавшихся покончить с политиком. Он боролся и с США, когда реализовал идеи подлинного суверенитета и когда потребовал превратить 750 млн долл. в золото, де Голль добился своего, как, собственно, и почти всегда. Очевидный провал был связан только со студенческими волнениями в мае 1968 г. Один из основных вопросов связан с пониманием причин, по которым власть фактически проиграла борьбу с левыми радикальными группами, с протестными настроениями десятков тысяч молодых людей. Де Голль постоянно апеллировал к народу, простым людям, именно среди них он искал и находил поддержку в самые трудные дни сво-

его правления. Почему же на флагах протестующих было написано «Прощай, де Голль!», «де Голля в богадельню»? Этот вопрос привлекает особое внимание также и потому, что перед нами одна из схем поведения властных структур в условиях кризиса. Причем возглавлял эти властные структуры, несомненно авторитетный, очевидно волевой, умный и дальновидный руководитель с большим опытом работы. Мало того, это был харизматичный человек, обладающий литературным талантом, готовый говорить просто и ясно и вместе с тем не чуждый интеллектуальных изысков, владеющий языком не только простых крестьян, но и салонных аристократов. Если попробовать сформулировать некоторые основные причины, по которым власть проиграла майскую битву, то их, на наш взгляд, можно свести к трем пунктам.

1. Утрата политической гибкости, нежелание и неумение понять характер и суть происходивших событий. Вообще в тот период были высказаны во многом парадоксальные констатации. Так, генерал полагал, что социальный взрыв был следствием не проблем во французском обществе, а его, общества, успехов. Сложно понять суть этого высказывания. Сама формулировка «взрыв произошел вследствие успехов» при всей своей парадоксальности может быть принята, поскольку очевидно, что успехи были не те и не там. Вызывает непонимание другое: генерал не берет на себя и доли той ответственности, которая всегда была присуща ему в иных сложных ситуациях. Он никогда не боялся признать свои ошибки, но в этом случае и близко не желал вспомнить, что именно он последние 10 лет безраздельно управлял страной и протесты во многом связаны именно с его деятельностью. Де Голль упорно ищет такие аналогии, которые позволили бы ему объяснить происходящее без потери политического лица. Одной из них стал мятеж, направленный против его политики в Алжире, генерал подчеркивал, что долгое время его не понимали, пытались убить, но правда оказалась на его стороне. Имеется в виду, конечно, правда с исторической точки зрения. Также было и с ситуацией в университетской среде: он был прав, когда говорил, что в основе движения – недобросовестные, левые радикальные, экстремистские элементы, с которыми надо бороться со всей беспощадностью государственного репрессивного аппарата.

2. Вера в мощностъ и силу государственного аппарата репрессивных органов, которые могут и должны решить любые поставленные задачи. Де Голль часто говорит о том, что совещаться можно и нужно, но принимать решения должен только один человек и этот человек – президент. Вообще в сознании генерала государство и президент – во многом слитные понятия. Известная фраза «Го-

сударство – это я» вовсе не является принадлежностью исключительно исторического прошлого, де Голль всегда мечтал и многое сделал для того, чтобы превратить страну в «монархическую республику» (максимальное сосредоточение власти в одних руках, длительный, семилетний, срок президентства и многое иное). Очевидное противоречие в терминах («монархическая республика») не смущало президента, он полагал, что в любое время может превратить эту спорную характеристику в бесспорную аксиому, ведь все ресурсы для этого находились в его руках. Так, например, он полагал, что университет может и должен быть модернизирован, но силами и средствами государства и без всякого «нажима» со стороны. Государство – это порядок, сила, оплот безопасности граждан, и никому не может быть позволено нарушить эти конституционные и традиционные принципы существования нации. Де Голль так и не смог примириться с мыслью о важности и необходимости компромисса, он был уверен в собственной правоте и полагал, что студенческое движение отражает лишь незначительную и крайне поверхностную в политическом смысле часть спектра протестующих масс. Надо признать и то, что, сосредоточивая на себе решение всех принципиальных вопросов, генерал не способствовал воспитанию в элитах политической самостоятельности: никто не решался на кардинальный поступок, пока не посоветуется с генералом. Типичный пример – государственный визит президента в Румынию во время майских протестов. Де Голлю пришлось сократить пребывание в Бухаресте, по прибытию во Францию он обрушил на министров весь свой гнев, но чего было ожидать от кадров, которые научены принимать решения не по надобности, а по согласованию?

3. Нежелание понимать сущность той революции в сознании, которая проходила в конце 1960-х гг. не только во Франции. Сексуальная революция, безусловно, – не самый злободневный лозунг для 77-летнего пожилого человека, воспитанного на совсем иных, по сути патриархальных, ценностях, но разве можно бороться с миром, если мир против тебя? Конечно, сложно понять формотворчество «новых» художников, привыкнуть к абсурдистскому характеру происходящего, но что делать, если мир «прогибается» вовсе не под тебя и твои классические инвективы? Человек, не связанный с политикой, всегда найдет в этой ситуации выход, от анахоретства, мизантропии до культивирования своего личного мира, в котором комфортно именно ему. Однако что делать политику? Это трудный вопрос, на который нет однозначного ответа, поскольку, с одной стороны, перед политиком представления о должном, а с другой – понимание

того, что он находится в кругу совершенно чуждых ему проблем и все равно надо найти какой-то выход. Не надо забывать и об усталости от постоянного напряжения, множась проблем и желания уйти в сторону. Возможно, именно по этой причине и возник известный инцидент с исчезновением генерала, который в разгар событий сел вместе с семьей в вертолет и улетел в Германию на одну из военных баз. Он думал, как поступить, и вновь решил окунуться в борьбу, затеяв очередной референдум, на котором потерпел окончательное политическое поражение. Смерть де Голля после ухода из высокой политики последовала достаточно быстро: он недожил несколько месяцев до своего 80-летия.

Можно, видимо, утверждать, что парижские студенты предъявили власти совершенно иной сценарий поведения, связанный с решением совершенно новых для общества задач. Хотя решались и старые задачи, как, например, возвращение к 40-часовой рабочей неделе. Но главная цель все же была необычной, нестандартной, выходящей за границы устоявшихся канонов классовых битв,

никто, ни коммунисты, ни представители крайне правых сил, не чувствовал себя в этой ситуации комфортно. В двери стучался новый мир, он заговорил голосом адептов «полового вопроса». Нестандартные сценарии вызывали оторопь, против студентов выдвигали старые и проверенные способы борьбы (исключения, разгон, аресты и прочее), но все это не помогало. Степень ожесточения была очень высокой. Очевидно, что нестандартные проблемы могли быть решены только в нестандартной форме, но для этого были нужны новые люди, новые кадры. Нельзя сказать, что они тут же появились после ухода де Голля, поскольку Жорж Помпиду – старый голлист, финансист и прагматик до мозга костей, приверженец традиционных ценностей. Сложно ответить что-то конкретное на простой по сути вопрос: чего добились студенты в результате своих жестких выступлений? Прошла университетская реформа, профсоюзы решили некоторые задачи, проиграла только власть, которая была расформирована, да и проиграла ли – тоже вопрос.

И что в итоге?

Ясно, что категорических ответов на поставленные и иные вопросы нет и быть не может. Так, проигравший генерал де Голль вызывает искреннюю симпатию. Когда хоронил долго болевшую дочь, он призывал жену не плакать, говоря, что умершая дочь уже не отличается от других детей. Он покинул пост президента после последнего референдума: просто ушел, уехал, никого не желая видеть и никому не жалуясь, что его не поняли. Он завещал себя похоронить очень скромно, в кругу самых близких людей на деревенском кладбище. Но история помнит не это, а то, что Д. Кон-Бендит, к тому времени уехавший из страны и начавший успешную карьеру европейского политика, достиг своей цели, и президент был отправлен в «богадельню».

Студенты, ожесточенно сражавшиеся на баррикадах, вновь пришли в аудитории, пересмотрели свое отношение к профессорам, стали мудрыми, точнее конформными, закончили университеты, обзавелись домами, машинами и влились в те же социальные слои, которые недавно яростно бичевали, кто-то – в элитарные, кто-то – в сферы рангом ниже. Возникает закономерный вопрос: надо ли было вообще затевать «революцию»? В поисках ответа не обойтись одними рациональными причинами, перечислением экономических, политических, эстетических и прочих предпосылок произошедшего. Всплески политической энергии зачастую не имеют четких берегов, как не имеют и обозначенных на карте социума истоков и выхода к «морю» людей и их интересов, словом, реализации цели. Д. Кон-Бендит, анархист и вольнодумец, вряд

ли планировал построить карьеру евродепутата, но он им стал, и это не случайный зигзаг его судьбы.

Сказанное вовсе не значит, что мы должны свети понимание происшедшего исключительно к внерациональным всплескам социальной энергии. Конечно, менялась эпоха, классические формы жизнедеятельности и мышления уступали часть своей исконной территории новым парадигмам мышления, новым эстетическим ценностям, переоценке стандартных этических клише. Сюрреалист С. Дали кроме своих известных картин пишет эпатажную книжку «Искусство пука», и в итоге многих захватывают новые впечатляющие горизонты, которые открываются перед буквоедами, воспитанными на силлогизмах Аристотеля и «мертвых» схемах Гегеля. Новое искусство свежо (хотя это спорно в прямом значении слова), оно открывает новые перспективы. В этом смысле расцвет постмодернистских исканий, при всей некоторой ценности высказываемых ими идей, спровоцировал новую волну нигилизма, направленную на этот раз против классических, традиционных форм мировосприятия. Бороться против постмодернизма могли бы тогда (да и сейчас) некие эфемерные постпостмодернисты, но они не просматриваются на горизонте, а борьба с ними с позиций прошлого века, как показала практика, может привести к тем потрясениям, которые совершенно не нужны социуму.

Надо признать и иное: опыт социальных потрясений во Франции используется современными политическими стратегами, в частности деятелями

«оранжевых революций». Налицо несколько примечательных факторов. Во-первых, всегда существует молодежная энергия, тяга к новому, стремление студентов что-то преодолеть, против чего-то бороться, кого-то победить, однако можно ехать покорять целинные земли, летать в космос, писать книги, а можно ломать мостовые и именно таким способом защищать свободу. Разные цели и формы реализации идеальных устремлений. Во-вторых, если нет ситуации «слома эпох», то ее можно искусственно создать, а людей, которые готовы талантливо изобразить конкретную ситуацию в конкретной стране именно в тех красках, которые предлагает политический работодатель, предостаточно. Краски могут, конечно, отличаться. Причем если раньше предпочитали красный цвет (от цвета флагов на баррикадах начала XX в., до «Красного смеха» одного из русских писателей и таких же флагов в 1968 г.), то сегодня превалирует голубой. Протестующие пишут и соответствующие книги («Голубое сало»), а половой вопрос решают так, как Кон-Бендит и представить не мог. В-третьих, есть здесь одна интересная деталь: молодежные движения вовсе не обязательно могут и должны двигаться по тому курсу, вследствие той программы, которую заготовили им некие политпрограммисты. Наблюдается внутреннее противоречие: сам протест молодежи очень часто искренний, но сложно сказать, какие формы он может в итоге приобрести. Протестное движение может привести к совершенно иным результатам, чем это программировалось.

Определить идеологический контекст эпохи студенческих волнений конца 1960-х гг. непросто, более того, здесь важную роль играет выбор методологических констант, ведь можно обратиться к классическому марксизму и получить вполне определенные характеристики. Так, студенческий протестный процесс с тех пор не имеет четко очерченных социальных границ, он далек от коренных интересов французского рабочего класса, влиятельной французской компартии того времени и т. д. Можно обратиться к любому из вариантов постмодернистской методологии и найти привычные теоретические схемы: альтернативность

смыслов происходящего, отказ от строгих дефиниций и классических логических схем детерминистского характера, умножение сущностей, конструирование реальностей субъектом и иное. Если эти подходы воспринимаются критически, то выход может предложить методология, связанная с интегративным пониманием социальных процессов, что требует, конечно, специального разговора. В русле рассматриваемых нами проблем отметим, что интегративная методология дает возможность прибегнуть и к феноменологическим аспектам анализа, и к логике формально-логического характера, позволяет учесть характер новой эпохи, систему ментальных предпочтений, изменения в философской и эстетической сферах. Применительно к рассматриваемым событиям это то, что мы можем назвать французской идеологией с ее изяществом, эстетизацией, склонностью к акценту на вопросы сугубо личного характера, экзистенциальным проникновением в суть вещей. Однако во французской идеологии главную роль всегда будет играть личность, субъект, как бы он не был настроен, традиционно или в рамках пиетета перед нормами модерна и постмодерна. Логика могут задать вопрос: насколько уместно деление того или иного идеологического понятия по признаку «национальный»? Ответим: разве события, которые потом волной прошли по Европе и в основе которых доминирующую роль играло именно студенчество, проходили под французскую копиру? Очевидно нет, в странах Восточной Европы протестные движения имели один вид и одну цель («социализм с человеческим лицом»), а в странах Западной Европы речь шла о неприемлемости как социализма, так и капитализма и поиске некоего третьего пути.

Конечно, термин «французская идеология» – условен, но он достаточно определенно отражает суть произошедших в 1968 г. событий с их яростностью, эмоциональностью, презрением к социальным и классовым различиям, близостью к эстетическим поискам эпохи, готовностью к самопожертвованию и затаенным конформизмом, которому отдали дань и лидеры баррикад 1968 г.

Библиографические ссылки

1. Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М. : Международ. отношения, 1973.
2. От Парижа до Болотной. Мифы и последствия майской «революции сознания» во Франции [Электронный ресурс]. URL: www.sovsekretno.ru/artikles/id/3107 (дата обращения: 14.05.2018).
3. Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М. : Международ. отношения, 1973.
4. Тарасов А. Встреча с бунтарем, продавшимся буржуям [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/id_1984.html (дата обращения: 15.04.2018).
5. Сидоров А. Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2006.

References

1. Molchanov N. N. *General de Goll* [General de Gaulle]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973 (in Russ.).
2. *Ot Parizha do Bolotnoy. Mify i posledstviya mayskoy «revoluciyi soznaniya» vo Francii* [From Paris to Bolotnaya. Myths and consequences of the «revolution of consciousness» in France]. URL. www.sovsekretno.ru/artikles/id/3107 (date of access: 15.04.2018) (in Russ.).
3. Molchanov N. N. *General de Goll* [General de Gaulle]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973 (in Russ.).
4. Tarasov A. *Vstrecha s buntarem, prodavshimsya burjuyam* [Meeting with the rebel sold to the bourgeois]. URL: http://scepsis.net/id_1984.html (date of access: 15.04.2018) (in Russ.).
5. Sidorov A. N. *Zhan-Pol' Sartr i libertarnyi sotsializm vo Frantsii* [Jean-Paul Sartre and libertarian socialism in France]. Irkutsk : Publ. house Irkutsk State Techn. Univ., 2006 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 04.05.2018.
Received by editorial board 04.05.2018.